

Чу был на редкость статным зверочеловеком. Молодой, высокий, он даже в одной лишь примитивной травяной юбке излучал первобытную, кипучую энергию. И хотя сейчас его искалеченная нога истекала кровью, это ничуть не умаляло суровой мощи его тела, обладавшего почти пугающей красотой.

Однако тяжелое ранение всё же давало о себе знать. Лицо воина было мертвенно-бледным, а губы совсем обескровели — он явно потерял слишком много крови.

Чэн Янь снова перевел взгляд на его голень. Кровь продолжала медленно стекать вниз, оставляя за собой густой багровый след на пыльной тропе.

Чэн Яню доводилось видеть сцены и пострашнее, но сейчас его сердце невольно сжалось от сострадания.

В этот момент из толпы донесся густой, рокошующий голос мужчины средних лет:

— Чу, ты обязан покинуть земли племени до наступления темноты. По милости своей боги не изгоняют тебя сию минуту: ты можешь пожить на равнине к северо-востоку отсюда, но на глаза соплеменникам не показывайся. Как только лето закончится, ты должен навсегда уйти за пределы охотничьих угодий Племен Края Леса. Если же останешься — наши воины не проявят к тебе милосердия.

Чэн Янь посмотрел на говорившего.

Это был мужчина лет сорока на вид, явно один из сильнейших бойцов общины. К его травяной юбке добавилось украшение из двух нитей искусно переплетенных листьев на груди — этот знак отличия придавал ему вид более величественный и благородный, чем у остальных.

Память носителя тут же подсказала ответ: это был Дун, вождь племени.

Закончив речь, он добавил:

— Боги пребудут с добродетельным Племенем Края Леса.

Вождь сложил ладони вместе и благочестиво прикрыл глаза.

Окружающие Чэн Яня люди один за другим начали повторять этот жест, вполголоса нашептывая те же слова. Чэн Яню ничего не оставалось, кроме как последовать их примеру, чтобы не выделяться из толпы.

Впрочем, краешком глаза он продолжал наблюдать за раненым. Он заметил, как Чу на мгновение нахмурился и закусил губу, борясь с приступом боли, но почти сразу взял себя в руки, и его лицо вновь превратилось в холодную, бесстрастную маску.

Дун тоже посмотрел на изгнанника. В его взгляде промелькнула смесь отвращения и затаенной тревоги. Скрыв эти чувства, он произнес уже спокойнее:

— Уходи, Чу. Ты больше не дитя богов и не часть Племени Края Леса.

И хотя рана на ноге была ужасающей, зеваки вокруг принялись согласно выкрикивать:

— Да! Убирайся!

— Пока ты здесь, боги накажут и нас!

— Какая мерзость! Как зверочеловек может быть со зверочеловеком?

Взгляд Чэн Яня потяжелел.

Зверочеловек же, казалось, давно привык к подобной брани или просто перестал её замечать. Те, кто раньше боялся его, теперь, пользуясь его слабостью, смели тыкать в него пальцами и сыпать проклятиями. Но что бы они ни говорили, это не вызывало в нем никакого отклика.

Он обвел холодным взором этих разъяренных соплеменников.

Среди них были старики, которых племя содержало на общем обеспечении — он помнил, как после каждой удачной охоты оставлял им кости с самыми жирными кусками мяса. Были здесь и дети, как зверочеловеки, так и полузверочеловеки — они вечно крутились вокруг него, зная его доброту, а Чу иногда тайком угощал их кисло-сладкими плодами. Было и множество знакомых лиц сверстников, воинов его возраста, с которыми он не раз ходил в леса. В минуты опасности он доверял им беспрекословно, зная, что может доверить им свою спину.

Теперь же все они смотрели на него с яростью, брезгливостью и страхом. Их взгляды кричали об одном: он им больше не товарищ.

Но среди этой толпы не было того единственного, кого он больше всего хотел увидеть — Е.

Чу нестерпимо хотелось спросить его прямо в лицо: неужели его любовь действительно была столь омерзительна? Тогда почему Е никогда не отказался от еды, которую он приносил? Почему принимал его добычу и позволял защищать себя в моменты опасности?

Стоило ему хоть раз сказать «нет», и Чу никогда бы не стал навязываться.

В этой привязанности пылал лишь один из них, но если бы поведение Е не было столь двусмысленным, Чу никогда бы не прельстился этой призрачной надеждой.

Он даже мечтал, что, когда наступит Праздник осеннего костра, они смогут объявить себя парой. Да, они оба зверочеловеки, но разве они не могли бы жить вместе, охотиться и делить кров? Это было бы ничуть не хуже союзов, где несколько воинов делят одного полузверочеловека.

Однако поступок Е вдребезги разбил эти наивные иллюзии.

Никто в племени и не подозревал об их близости. Чу неверял своим чувствам посторонним, а Е и подавно не спешил об этом распространяться. Даже товарищи по охоте, видя их неразлучными, считали их лишь закадычными друзьями.

Чу готов был хранить их тайну вечно, если бы Е того пожелал. Держаться на расстоянии при свидетелях — это была малая цена.

Но если бы не сам Е, как бы остальные узнали о чувствах раненого?

Ведь между ними никогда не было ничего предосудительного, что могло бы броситься в глаза посторонним.

Вчера, едва он получил рану, толпа ворвалась в его пещеру и без лишних слов принялась обвинять его в нарушении воли богов, требующих плодиться и размножаться. Его называли предвестником беды для всего племени. Когда же Чу, пытаясь защититься, попросил позвать Е, чтобы тот всё разъяснил, вперед выступил один из влюбленных в Е полузверочеловеков и закричал:

— Хватит лгать! Е сам говорил мне, что ты прохода ему не даешь! Он считает тебя отвратительным и жалким! Он ни за что не придет к тебе!

Сердце воина тогда рухнуло в бездну.

И вот сегодня, когда настало время навсегда покинуть Племя Края Леса, Е так и не появился.

Сначала Чу хотел потребовать объяснений, спросить, в чем он провинился. Потом он хотел обвинить Е в предательстве, узнать, за что тот так поступил с ним. Теперь же ему не нужны были ответы. Если бы Е посмел появиться сейчас, Чу просто хотел бы его ударить.

Он направился к выходу из лагеря. Большинство зевак уже разошлись по приказу вождя,

остались лишь праздные дети. Они не понимали всей тяжести изгнания — им казалось, что Чу просто уходит на прогулку, и они даже спрашивали, когда он вернется.

Дун отгонял ребятишек, время от времени бросая на Чу полные суеверного ужаса взгляды.

Вождь искренне верил, что грех воина навлечет на них кару богов, и боялся, что пострадает всё племя. Поэтому, как бы он ни ценил его прежде как великого бойца, сейчас он был полон решимости вышвырнуть его вон.

Чу равнодушно отвел взгляд, думая о том, что сейчас соплеменники боятся его сильнее, чем самого свирепого лесного хищника.

— Пстой!

В этот момент раздался громкий голос.

Чу обернулся и увидел, что его окликнул Уи племени. Говорили, что Уи — единственный, кто способен общаться с богами напрямую, и даже вождь Дун относился к нему с глубочайшим почтением.

Поэтому, несмотря на лед в душе, Чу отозвался:

— Господин Уи, вам что-то угодно?

Видя, что Чу вот-вот окажется за воротами, Чэн Янь лихорадочно искал способ помочь ему, но быстро понял, что насильно удержать его в племени невозможно.

В первобытном обществе статус «отвергнутого богами» был сродни смертному приговору. Соплеменники будут видеть в нем лишь источник бед, и любое стихийное бедствие или неудачу спишут на его «проклятие».

Попытка оставить его здесь силой могла лишь сделать его положение еще более невыносимым.

Но если позволить ему уйти сейчас, глядя на эту сочащуюся кровью рану, Чэн Янь понимал — воин долго не протянет.

В памяти Чэн Яня всплыли связки сушеных трав, которые он видел в своей пещере. Должно быть, среди них найдутся те, что смогут остановить кровь и заживить поврежденную плоть.

Знания прежнего хозяина тела возвращались к Чэн Яню вспышками, стоило лишь коснуться нужной темы. Едва его назвали «Господином Уи», в голове тут же сложилась четкая картина

его обязанностей и возможностей.

Чэн Янь подошел к Чу и мягко произнес:

— Прежде чем ты уйдешь, позволь мне обработать твою ногу.

Чу замер, его губы плотно сжались, но он промолчал.

— Кровь всё еще не остановилась, — продолжил Чэн Янь. — В лесу ты станешь легкой добычей для хищников.

— Разве вы не лечили меня вчера? — с горечью бросил Чу.

Чэн Янь осекся.

Он не знал, был ли уровень медицины в этом мире столь ничтожным, или же прежний Уи был полным профаном, но, судя по той кашице на голени, это было не лечение, а верный путь к гангрене. Чудо, что зверочеловек вообще еще мог стоять.

— Господин Уи так добр! — послышался чей-то восхищенный вздох в толпе.

Дун, отогнав детей, поспешно подошел ближе. На его лице отразилось беспокойство:

— Чэн, если мы снова попросим богов о нисхождении для того, кто ими отвергнут, не обрушится ли на нас их гнев?

Здесь медицину называли «нисхождением бога». Болезнь считалась карой, а выздоровление — признаком божественной милости. В этом первобытном обществе теология и целительство были неразделимы.

Прежде чем Чэн Янь успел ответить, Чу отрезал:

— Не нужно. Я в порядке.

В его взгляде, устремленном на Чэн Яня, не было ни тени тепла — лишь стальная решимость и холод.

— Господин Уи, вчера это вы мазали мне ногу травами и при этом глумились, говоря, что я отринут небесами и никакие лекарства мне не помогут. К чему теперь это притворство?

Чэн Янь онемел. Память подкинула новые детали вчерашнего разговора, и ему стало по-настоящему не по себе. Но времени на оправдания не было, и он выпалил первое, что пришло в голову:

— Вчера я ошибся в диагнозе!

«С таким-то методом перевязки — еще бы он не ошибся!» — подумал Чэн Янь про себя.

Взгляд Чу оставался настороженным, в нем не было ни капли доверия.

— Меня всё устраивает. Помощь мне не нужна.

С этими словами он решительно развернулся и пошел прочь.

— Какая неблагодарность... — пробормотал за спиной Дун. — Должно быть, в Чу вселился злой дух, раньше он был совсем другим...

Чэн Янь даже не слышал слов вождя. Его взгляд был прикован к удаляющейся фигуре.

Чу был высок и могуч, но его мускулатура не выглядела грубой или громоздкой — скорее, это была сухая, хищная грация. Широкие плечи, узкая талия, длинные ноги — каждая линия его тела была совершенна, словно изваяние великого мастера.

Однако Чэн Янь застыл не от красоты его спины. Когда Чу отвернулся, из-под его грубой травяной юбки показался... хвост!

Длинный хвост грациозно выскользнул из-под ткани и низко повис у самых ног, его кончик слегка подергивался в такт шагам. Он был не короче полуметра, покрытый густым, коротким ворсом. На золотистой шкуре отчетливо виднелись темные пятна, а с внутренней стороны, прилегающей к голени, проглядывал чистейший белоснежный мех.

Чэн Янь во все глаза уставился на этот хвост, не в силах отвести взор.

«Боги, как же это... чертовски притягательно»

<http://bllate.org/book/15870/1500341>